

«БУДЕМ РАБОТАТЬ, НЕ ПОКЛАДАЯ РУК!»

Журналист орловской губернской газеты Яков Бронштейн сделал блестящую карьеру — уже чуть более десяти лет спустя после работы в редакции руководил Союзом писателей, затем был избран в Академию наук. И в одночасье исчез, даже упоминание его имени на протяжении двух десятилетий оставалось под запретом

Яков Анатольевич Бронштейн родился 10 ноября 1897 года в городе Бельске Гродненской губернии (ныне Польша) в семье служащих. С 1914 по 1918 год жил в Варшаве, где впервые выступил на страницах местной печати. В 1919 году переехал в Орёл, добровольно вступил в ряды Красной Армии. Воевал на Западном и Туркестанском фронтах.

В бурной биографии Якова Бронштейна нашлось время и для работы в редакции губернской газеты в Орле. С октября 1920 года в «Известиях Орловского губернского и городского исполкомов» (предшественница «Орловской правды») стали регулярно появляться злободневные комментарии с незатейливой авторской подписью «Яша». Казалось бы, странный для газетчика псевдоним... Но как иначе коллеги могли воспринимать вчерашнего красноармейца, который в свои 23 года наивно хочет поведать миру, как строить новую жизнь?..

Один из первых комментариев был напечатан 19 октября 1920 года — «О роли бриллиантов в истории» (по поводу паники в Европе, вызванной страхом перед революцией). 13 ноября — «Наброски карандашом» (язвительная сатира на Польшу и барона Врангеля), 27 ноября — «Капитал ошестинился».

Разгром белогвардейцев в Крыму, праздники Южного фронта требовали сосредоточить все усилия на восстановлении хозяйственной жизни. А потому менялись адреса авторского внимания. Уже 11 декабря появилась комментарий к письму в редакцию красноармейца Ефимова, который обратил внимание журналистов на обывденный, казалось бы, в то время случай: на берегу речушки Пересыханки в Орле лежал труп лошади. Его можно отправить в переработку, тогда будет польза, а не вред.

Бронштейн откликнулся на сигнал читателя с пафосом — чего стоит один только заголовок: «Народ — хозяин!» Вот финал заметки: «Побольше таких Ефимовых, и мы победим на фронте труда, как победили на кровавых фронтах. Народ-хозяин за своё хозяйство постоит!»

На следующий день на страницах губернской газеты появилась статья под названием «Земля наша обильна»: «Великая, благодарная, творческая работа предстоит нам. Будем же работать, не покладая рук». А ещё были публикации «Чёрные бриллианты» (14 декабря, о необходимости

развивать в стране добычу угля как основу для роста внешней торговли), «Осознание труда» (17 декабря, о производственной пропаганде). Примерно в таком же духе тогда в «Воронежской коммуне» будущий писатель Андрей Платонов говорил с читателями о неотложных задачах хозяйственного развития страны...

Журналистские и литературные способности Якова Бронштейна в Орле заметили старшие товарищи — вскоре он получил направление на учёбу в Москву. Там в 1925 году окончил литературный факультет 1-го Московского университета, вступил в коммунистическую партию, занялся профессиональной литературной (литературоведческой) деятельностью. Поначалу публиковал в основном рецензии и обзорные работы в еврейском журнале «Штерн». Писал на русском, белорусском языках и на идише.

С 1926 по 1930 год учился в Коммунистической академии в Москве. Затем работал в Институте языка, литературы и искусства Академии наук Белорусской ССР (научный сотрудник еврейского сектора), вёл преподавательскую работу в Минском педагогическом институте — читал курсы лекций по истории русской, белорусской и еврейской литературы, заведовал кафедрой еврейской литературы и языка (с 1932 года — профессор). Член-корреспондент Академии наук БССР (1936). Был членом Центрального исполнительного комитета Белорусской ССР, одним из теоретиков Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей. Ответственный секретарь Союза писателей Белоруссии (1932—1937), секретарь еврейской секции этого союза. Член Союза писателей СССР с 1934 года.

Его жена Мария была педагогом, автором книг по дошкольному воспитанию.

Основные произведения Бронштейна вошли в книги «Атака» (1930), «Закреплённые позиции» (1934), «Творческие проблемы советской еврейской поэзии» (1936). Одна из первых литературоведческих работ была посвящена А. Ковнеру; содержательны критические статьи Бронштейна о творчестве И. Харика, З. Аксельрода, А. Кушнирова, И. Фефера, Д. Бергельсона, Х. Орланда. Бронштейн — автор многочисленных работ, посвящённых белорусской литературе. Писал и о влиянии творчества Пушкина на писателей Белоруссии. С предисловием Бронштейна выходили сборники произведений классика белорусской литературы Янки Купалы.

Трагическая, но по-своему яркая биография профессора-филолога Якова Бронштейна связана с Орлом, где начинался творческий путь этого талантливого человека

Работы Бронштейна отличались крайней социологичностью, беспрекословным следованием доктринам, принятым в советской литературной критике его времени. Литературоведы отмечают, что Бронштейн напрямую связывал литературу и политику: развитие художественной литературы, по его мнению, зависело от политического сознания автора.

Бронштейн был делегатом от белорусских писателей (с решающим голосом, наряду с Янкой Купалой, Якубом Коласом, Кондратом Крапивой) I Съезда советских писателей в Москве (август 1934) и выступил на съезде. Вот несколько фраз из его доклада:

«В русской критике недавно заговорили вскользь о своеобразной, корректорского типа автополюемике, которую Пильняк повёл против [своих] «Корней японского солнца». А почему бы русской руководящей критике не заинтересоваться таким вопросом, как проблема перестройки ряда писателей народов СССР в области более оригинальной и более серьёзной, чем у Пильняка, — в области образной

автокритики?.. Писатель, отягощённый в прошлом грузом реакционных образов, вызывает из недр прошлого свою излюбленную галерею образов и гильотинирует её, снимает её автокритикой — не публицистической, а образной...»

«Напомню о лозунге, который был недавно брошен в еврейской литературе т. Фефером: «Запоём голосом Беранже!» Борьба за голос Беранже, за сатиру является положительной борьбой...»

«...на нашу долю выпало счастье работать под руководством невиданной в мире партии, под руководством партии Ленина и Сталина.»

Можно сказать, что Бронштейн был неистов в своей любви к руководству коммунистической партии. Что ж, ему приходилось всякий раз демонстрировать эту любовь и преданность, иначе у иных ещё более идейных современников сразу возник вопрос: «А не родственник ли этот профессор изменнику Троцкому-Бронштейну?»

В августе 1936 года в газетах под заголовком «Дорогой, любимый Иосиф Виссарионович!» было опубликовано письмо 18 самых видных

белорусских писателей (в том числе и Бронштейна). Авторы одобряли «разгром троцкистско-зиновьевской банды». От имени всего Союза писателей БССР они писали: «Вы — вожь трудящегося человечества, его отец и учитель. Вы и судьбы коммунизма — неразрывное целое. Вот почему народы Советского Союза полны к Вам высокой любви, вот почему они, окружая Вас, своего родного и любимого гения и всех Ваших соратников железной стеной, недоступной для врагов и предателей, — единодушно заявляют:

Смерть бандитским выродкам, посягнувшим на самое дорогое, что есть у народа — на его мозг, сердце, — на Сталина. До конца раскрыть и уничтожить все змеиные гнёзда троцкистско-зиновьевской фашистской банды!

Родной Иосиф Виссарионович!

Мы ещё более усилим нашу бдительность, революционную непримиримость к врагам народа. Вы же берегите себя, живите и здравствуйте много-много лет на радость и счастье человечества.»

Бронштейн был одним из тех, кто определял не только

судьбы молодой белорусской литературы и языка, но и идеологию республики в целом. «Самостийность» научной и творческой интеллигенции вызывала тревогу в Москве. Так, кубанский уроженец и бывший красный командир в Белорусском военном округе Пантелеймон Пономаренко после назначения на пост первого секретаря ЦК в Минске пожаловался в Москву по поводу «странностей» здешнего языка: «Слово «подъём» заменено каким-то диким словом «уздым». Образование — «адукация». Краски — «фарбы». Борец — «змагар». Отечественный — «ойчынны» (от польского «ойчизна»). Правительство — «урад». Годовщина — «гадавина» (белорусы говорят так в смысле «гадгадюка»). Баня — «лазня»... Безопасность — «бяспечнасць» (отсюда органы государственной безопасности — органы государственной беспечности)... В лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» слово «соединяйтесь» заменено словом «злучайцеся», а в народе «злучайцеся — злучка» — всё равно что и по-русски «случайтесь — случка».

Пономаренко предлагал «решительно очистить литературу от произведений с национал-фашистской контрабандой (кое-что мы в этом направлении уже сделали), освежить литературу». Под этим «кое-что» имелись в виду многочисленные расправы над представителями белорусской интеллигенции.

Бронштейн был арестован 6 июня 1937 года. Обвинили его в принадлежности к троцкистам, в организации террористической группы. Военная коллегия Верховного суда СССР 28 октября 1937 года приговорила его к высшей мере наказания. Был расстрелян в Минске на следующий день, а точнее, в ночь, когда казнили около ста деятелей белорусской культуры, в том числе 22 писателя. Жену отправили в лагерь, двухлетнего сына и пятилетнюю дочь — в разные приюты.

Яков Бронштейн был реабилитирован в 1956 году. Короткая жизнь этого талантливого человека — всего четыре десятилетия — стала особой страницей в довоенной истории литературы и литературоведения Белоруссии. Не будем забывать, что начинался этот творческий путь в Орле. Пусть трагическая, но по-своему яркая биография профессора-филолога лишней раз подтверждает то, что Орловщина имела и имеет давние и прочные связи со своей западной сестрой — Белоруссией.

Алексей КОНДРАТЕНКО